

Рун Фэйянь уселся на каменный край колодца — его рост как раз позволял заняться волосами Сюй Цзиин.

Сюй Цзиин сидел к нему спиной и чувствовал, как чьи-то руки собирают его волосы, а длинные пальцы перебирают пряди — медленно и нежно.

— Эй, давай быстрее, — чувствуя себя не в своей тарелке, нетерпеливо поторопил его Сюй Цзиин.

Рун Фэйянь продолжал возиться с волосами и, опустив взгляд, произнес:

— Ваша милость просто боится сделать тебе больно.

Сюй Цзиин скривил губы:

— Я ведь не девчонка, к чему такие церемонии.

— У женщин волосы и то не такие гладкие, как у тебя.

Роскошные волосы Сюй Цзиина были черными, мягкими и послушными, словно струящийся водопад. Закатное солнце отражалось на них золотистым блеском, делая шевелюру гладкой и пушистой, точь-в-точь как шелк.

Сам же Рун Фэйянь производил впечатление человека легкомысленного и привычного к круговороту бурной жизни. Сюй Цзиин не знал наверняка и ни за что бы не поверил, что в свои двадцать пять лет тот еще ни разу не прикасался к женщинам, а потому рассудил вполне закономерно:

— Судя по твоим движениям, ты не одной женщине волосы укладывал.

Рун Фэйянь на мгновение замер, долго молчал, и Сюй Цзиин уже решил, что угадал наверняка. Он машинально повернул голову — и в тот же миг утонул взглядом в глубоких зрачках Рун Фэйяня.

У Сюй Цзиина перехватило дыхание: он совершенно не заметил, как Рун Фэйянь придвинулся так близко. Они оба на мгновение застыли, после чего Рун Фэйянь вдруг усмехнулся, приподняв уголки губ:

— Я, маршал, служу в армии почти десять лет и никогда не держал наложниц. Со всем бытом справляюсь сам. Жизнь в военном лагере, конечно, не сравнится с другими местами, простовата, но волосы укладывать я умею.

Услышав это, Сюй Цзиин тревожно замер внутри. Кто бы смог свыкнуться с этим сразу после перемещения в другой мир? Он на миг потерял бдительность и чуть было не забыл, что здесь, будь то мужчина или женщина, у всех длинные волосы.

То, что Рун Фэйянь умеет делать прически, вовсе не было удивительным.

Этот мужчина был слишком умлен, и порой Сюй Цзиин чувствовал себя совершенно беспомощным перед ним. Он пока не мог ни вырваться, ни разгадать мысли этого человека.

В голове роились тысячи мыслей. Сюй Цзиин молчал, а Рун Фэйянь, наблюдая за ним, некоторое время спустя бросил:

— До чего же ты забавный.

Сюй Цзиин подумал про себя: раз ему не по силам тягаться с таким человеком, так разве он не может просто уклониться? Не давая Рун Фэйяню возможности продолжить расспросы, он сидел мрачный и молчаливый.

Рун Фэйянь собрал его волосы, завязав верхнюю часть и оставив нижнюю распущенной — просто и со вкусом. Закончив, он внимательно оглядел свое творение и удовлетворенно кивнул:

— Очень красиво.

Затем Рун Фэйянь принялся учить его завязывать нарукавники:

— Это паньбо, нарукавники. С ними тебе будет намного удобнее заниматься делами.

Сюй Цзиин раскинул руки, позволяя ему возиться, и услышал:

— Вчера я велел навести справки о твоём происхождении, и кое-что действительно удалось узнать.

Сюй Цзиин сообразил не сразу, но потом понял, что Рун Фэйянь говорит о прежнем владельце этого тела.

Он подумал: надо же, я брякнул это невзначай, а он и вправду послал людей всё проверить.

Наверное, прежний хозяин тела погиб и был засыпан среди мертвецов, из-за чего Сюй Цзиин и смог вселиться в эту оболочку. Изначально это дело его не касалось, но, поразмыслив, он решил, что раз уж в любом случае пользуется чужим телом, неплохо бы хоть немного прояснить ситуацию.

Он спросил:

— Правда? И что тебе удалось узнать?

Рун Фэйянь помог ему развязать нарукавники и с легкой, двусмысленной улыбкой подмигнул:

— Хочешь узнать? Поцелуй меня разок, тогда расскажу.

Сюй Цзиин круто развернулся и зашагал прочь.

— Эй! Вернись, вернись.

Рун Фэйянь притянул его обратно, вернул серебро и лишь тогда угомонил:

— Я же шучу с тобой, неужели даже улыбнуться не можешь?

Сюй Цзиин неизменно чувствовал себя так, будто играет в дочки-матери с этим почти двухметровым амбалом, и раздраженно бросил:

— Выкладывай давай, раз есть что сказать.

Рун Фэйяню оставалось только ответить:

— Мои люди навели справки: с самого детства ты жил в деревне Гаоян, что на окраине государства Сюань.

Сюй Цзиин мысленно зафиксировал это название и спросил:

— Это всё?

— Только это. Как узнаю остальное — сразу тебе скажу.

Сюй Цзиин кивнул и заметил, что Рун Фэйянь словно ждет от него слов. Он спросил:

— Что такое?

— А ты разве ничего не вспомнил?

Сюй Цзиин коснулся головы — ему стало немного не по себе.

Поскольку он не был по-настоящему амнезиком, он, разумеется, ничего не мог припомнить, но в то же время опасался, что проявление полного равнодушия вызовет у Рун Фэйяня подозрения, поэтому ему пришлось ответить:

— Нет. Но я очень хочу во всем этом разобраться.

Сказав это, он посчитал свои слова не совсем удачными и добавил:

— Я не страдаю потерей памяти, просто некоторые вещи слишком давно стерлись из головы.

Рун Фэйянь лишь многозначительно улыбнулся и сказал:

— Я знаю.

Вечером, находясь в своем шатре, Сюй Цзиин думал обо всем этом, и с каждым часом происходящее казалось ему всё более странным. Он жалел, что сболтнул Рун Фэйяню лишнего, ведь выглядело так, будто он пытался что-то нарочно подчеркнуть.

Пока он знал лишь то, что находится в военном лагере где-то на границе, а об остальном мире не имел ни малейшего представления.

Стоило ему только переместиться сюда, как Рун Фэйянь тут же схватил его, и очень многое Сюй Цзиин узнал именно с его слов.

Сюй Цзиин не собирался слепо доверять такому человеку, как Рун Фэйянь. На свете не бывает убыточных сделок и бескорыстной помощи, поэтому он во всё это не верил.

Неужели тот возится с ним просто из чистой доброты? Сюй Цзиин горько усмехнулся про себя: разве может мужчина, с которым они знакомы едва ли два дня...

В конце концов, с самого детства он видел лишь родственников, которые только и знали, что требовали с него денег, да уродливые личины всевозможных чужаков — всё это давно уже сокрушило его душу в щепки.

Он не станет доверять кому попало...

Сюй Цзиин сидел на краю кровати в шатре. Постель была чистой и аккуратно застеленной, матрасы — совершенно новыми.

У изголовья стоял небольшой столик с водруженным на него подсвечником. Воск беззвучно стекал вниз, отчего пламя казалось еще более ярко-оранжевым.

Услышав шорох снаружи, Сюй Цзиин прислушался, и вскоре в шатер вошел дядюшка Пэн. Убедившись, что юноша еще не спит, он отодвинул занавеску и подошел, протягивая ему то, что держал в руках.

— Это... — Сюй Цзиин взглянул на тяжелую стопку тетрадей и едва не выронил их.

— Генерал велел мне принести тебе эти бухгалтерские книги, — сказал дядюшка Пэн. — Раз уж ты повредил руки, работать тебе больше не положено, но и сидеть без дела нельзя, вот велел всё это пересмотреть.

С этими словами он протянул в придачу счеты. Сюй Цзиин пощелкал косточками на счетах и ошеломленно заморгал:

— Но я же не умею... Давайте не надо, лучше я завтра снова пойду чистить картошку и разводить огонь.

Дядюшка Пэн был крепкого телосложения, но его полнота придавала ему весьма добродушный вид; когда он улыбался, уголки его глаз собирались в лучиках морщинок, а сами глаза превращались в узкие щелочки.

— Генерал просил передать: это вся отчетность нашего лагеря за последнее время. Нужно не просто просматривать книги, но и приводить в порядок серебро.

— Се... серебро... — при слове «деньги» глаза Сюй Цзиина мгновенно загорелись.

Уставившись на освещенные пламенем свечи счеты и амбарные книги, он часто замигал и переспросил:

— То есть... все деньги всего лагеря... всё серебро... теперь будет в моем ведении?

Дядюшка Пэн с улыбкой кивнул:

— Можно сказать и так... Впрочем, раз ты говоришь, что не умеешь, тогда я лучше пойду к генералу...

— Я умею!

Произнеся это, он и сам себе не поверил. Хотя у него были незаурядные способности к цифрам, в старинных счетах и книгах он не смыслил абсолютно ничего. Сюй Цзиин смущенно улыбнулся и попросил дядюшку Пэна:

— Дядюшка, научите меня, а?

Тот рассмеялся и направился к выходу:

— Завтра утром генерал сам говорил, что придет и всему тебя научит.

— Эй, дядюшка Пэн!

Сюй Цзиин знал, что хочет Рун Фэйянь этого или нет, а тот всё равно явится, но сейчас у него был другой вопрос, который не терпел отлагательств.

Дядюшка Пэн обернулся:

— Что-то еще?

— Ну... — Сюй Цзиин зашел издалека: — Во всем лагере... все знают, что я... что меня выкупил Рун Фэйянь?

В шатре горела всего одна свеча, и поскольку дядюшка Пэн стоял далеко, его лица в темноте было не разглядеть.

Он не стал упрекать Сюй Цзиина за то, что тот назвал Рун Фэйяня по имени, а лишь ответил:

— Почти половина людей об этом знает.

На следующее утро Рун Фэйянь, зажав в зубах травинку, подошел к входу в полевую кухню и увидел Сюй Цзиина, который сидел у печи и разжигал огонь.

Сюй Цзиин не завязал нарукавники, лишь засучил рукава и бросал хворост прямо в топку. Тканевые повязки на руках неизвестно куда делись, и на ладонях отчетливо виднелись покрытые корочкой шрамы.

Выплюнув травинку, Рун Фэйянь некоторое время молча стоял неподалеку. Его брови слегка сдвинулись, и он тихо позвал дядюшку Пэна:

— Разве я не приказывал не позволять ему работать?

Тот ответил:

— Я передал, да только он не слушает. Говорит, мол, заработать деньги можно только трудом.

Вчера он без продыху чистил полтаза картошки — если бы вы не пришли, он бы и весь таз одолел. А сегодня чуть свет поднялся и уже успел всю кухню прибрать.

То ли обращаясь к дядюшке Пэну, то ли рассуждая вслух, Рун Фэйянь бормотал:

— Кто вообще научил его всему этому? Почему он даже поспать подольше не может?

Дядюшка Пэн вздохнул:

— Он так споро всё делает, ни минуты не мешкает. Словно слишком долго терпел лишения и давно привык к такой жизни.

— Вот как... — тихо обронил Рун Фэйянь. В его взгляде промелькнула тень, но досматривать он не стал — развернулся и направился к нему.

Сюй Цзиин почувствовал приближение кого-то постороннего, а подняв голову и увидев Рун Фэйяня, молча сунул в топку еще одну охапку хвороста, отряхнул с ладоней пыль и бросил с прохладцей:

— А вот и ты.

Рун Фэйянь перехватил его за запястье, заставляя подняться:

— У тебя же руки только заживать начали, тебе совсем не больно?

Сюй Цзиин совершенно не придавал этому значения:

— И что с того? Ну содрал кожу немного, не помру же.

К этой нежной, избалованной коже чужого тела Сюй Цзиин никак не мог привыкнуть: от любого удара или толчка непременно было больно, а белые и нежные ладони казались слишком чувствительными даже для грубых веток.

Он все еще надеялся поскорее натереть мозоли, чтобы удобнее было работать, и машинально потерся лицом о плечо, в результате чего сажа с плиты черными разводами легла ему на щеку.

На его смазливом, словно припудренном лице красовалось пятно сажи. Зрелище было забавным, и мрачное на душе у Рун Фэйяня тут же наполовину рассеялось. У него под рукой не оказалось ничего, чем можно было бы вытереть грязь, и он протянул руку:

— Не двигайся.

<http://bllate.org/book/18792/1825611>